

Творцы и мыслители

Игорь Золотусский

«Без Тютчева нельзя жить»

*К 200-летию со дня рождения
Федора Ивановича Тютчева (1803 — 1873)*

Он выходит в мировое пространство без разрушительных усилий, без насилия над собой. Если он чувствует «влажность» звезд, то это *его* мир — мир, где обитает жизнь. Тютчев целиком пребывает в космосе, хотя порой кажется, что его поэзия прижата к земле.

Позже символисты, следуя за Тютчевым, придадут космосу черты субстанции, причудливо играющей с человеком. И тогда в звездном небе их лирики появятся явно театральные декорации. У Тютчева отношения с надзвездным миром вполне серьезные. Тем более что из этих отношений не исключено третье лицо — Бог. Космос для Тютчева не астрономическая абстракция, а природа, у которой, по его мнению, есть душа, есть слово и есть любовь. Как человеческое тело в жаркий летний день чувствует охлаждающую ласку воды, так и по жилам природы пробегает *та же* дрожь от соприкосновения с водой ключа.

Неизмеримая близость. Невиданное родство. И вместе с тем — непреодолимое отчуждение.

*Нам мнится: мир осиротелый
Неотразимый рок постиг,
И мы в борьбе с природой целой
Покинуты на нас самих.*

На память приходит отчаяние Блока и Андрея Белого. Тютчев с освещенной пушкинской стороны поэзии переступает в «ночную эпоху истории», в область «ночного сознания». Он — предтеча взрыва символистских ночных чар в «Петербурге» А. Белого и в картинах Врубеля.

Ночью открывается небосвод. Ночью небо перестает лгать. И поэзия остается наедине с истиной.

Ф.И. Тютчев. Конец 1860-х годов

Пролог

Ангел мой, ты видишь ли меня?

Ф. Тютчев

Представим дорогу в средней полосе России. Конец летнего дня. Смеркается. По дороге в сторону заката движется одинокая фигура. Путник медленно удаляется от почтовой станции, где возница перепрягает лошадей. Останавливается, долго всматривается в небо, где вспыхивают зарницы. Это Федор Иванович Тютчев.

1865 год. Тютчев выезжает из Москвы по Калужской дороге в Орловскую губернию, в свое родовое имение Овстуг. Он разбит, обессилен. Ровно год назад скончалась от скоротечной чихотки его последняя любовь — Елена Денисьева. Он остался в этом мире один. И, тоскуя, он губами нашептывает строки, которые приходят неизвестно откуда: может, из глубины небесного свода, а может, с самого дна его души.

*Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня,
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?*

*Все темней, темнее над землею —
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?*

*Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?
Ангел мой, ты видишь ли меня?*

Я не знаю более трагических стихов в русской поэзии о любви. Тютчев — поэт предчувствия катастрофы — здесь входит в самое существо ее — в бессилие опустошенного сердца.

Когда судьба свела их, ей было 25, ему 48. Он по понятиям того времени был уже старик, она молода, красива, и у нее было открытое будущее. Тютчев еще за несколько лет до этого писал: «Я отжил свой век и... у меня нет ничего в настоящем». И вот настоящее явилось. Это было похоже на удар молнии. И эта молния спалила ее, а Тютчева оставила без настоящего и без будущего. Ибо сердце его не могло жить без любви. В письме к дочери Анне он признавался, что передал ей «это ужасное свойство, не имеющее названия, нарушающее всякое равновесие в жизни, эту жажду любви».

Как раненый зверь, который ищет укрытия, чтоблизать свои раны, он устремляется в вочину предков, веря, что родные стены оградят его от любопытства чужих людей и их ложного сочувствия. Он рванулся в глубину России, туда, где стоял его дом, который всегда становился его защитой в тяжелые минуты. И где-то в пути, оставив коляску и возницу, перепрягающего лошадей, он, как с ним бывало не раз, пошел вдоль дороги пешком, желая побыть наедине с собой. И еще одного он желает теперь, хотя сознает, что это мечта: *услышать голос* той, что оставила его жить в этом мире без нее.

Овстуг

*Как тихо веет над долиной
Далекий колокольный звон...*

Ф. Тютчев

Тютчевская усадьба стоит на возвышении, за нею начинаются поля, ведущие к древним холмам, ниспадающим к изгибу Десны. А за Десною, как древнее русское войско, тесно сомкнув деревья, стоит брянский лес. Взгляд не в силах охватить простирающейся за ним дали.

Выкрашенный в желтый цвет барский дом внутри затенен шторами. Поскрипывает под ногами паркет. Анфилада комнат ведет в тютчевский кабинет. Небольшой письменный стол у окна, на стенах — портреты предков. Над самым столом портрет старшего брата Тютчева Николая. Все любимые лица. Феденьку ласкали и берегли отец и мать, бабушка, дядька Николай Афанасьевич Хлопов. Детство его было безоблачным, счастливым. Да и тогда, когда он стал взрослым, родители и все старшие не оставляли его своей заботой. Состарившиеся отец и мать специально завели сахарный завод, чтоб ссуживать сына деньгами.

И только одного портрета не хватает в кабинете — портрета человека, который стоял у истока рода Тютчевых. Его звали «хитрый муж» Захарий. Перед Куликовским сражением послал его в Золотую орду московский князь Дмитрий Донской, и предок Тютчева не дрогнул перед всемогущим Мамаем. Мамай требовал увеличения дани, грозил войной. Захарий Тютчев возражал ему. А на обратном пути из Орды он порвал ханскую грамоту и клочки ее велел отослать Мамаю. Каков характер!

Став в 19 лет внештатным сотрудником русской миссии в Баварии, Федор Тютчев не унаследовал твердости своего далекого предка. Да и не дипломатию избрал он своею стезей, а жизнь сердца.

Любомудр

*Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода...*

Ф. Тютчев

В 1821 году он блестяще заканчивает словесное отделение Московского университета. В то время в университете учатся и будущие участники событий 14 декабря 1825 года: П. Каховский, М. Бестужев-Рюмин. Но Тютчев не с ними. Он с теми, кто называет себя «любомудрами» и кто мирное обустройство государства предпочитает насильственному изменению истории. Девиз декабристов: устрашение власти оружием, а в случае ее сопротивления — переворот; девиз любомудров, как его формулирует поэт Д. Веневитинов, — самопознание: «Самопознание — вот идея, одна только могущая одушевить вселенную, вот цель и венец человека».

В ответ на пушкинскую оду «Вольность», где есть строки: «Самовластительный злодей! Тебя, твой трон я ненавижу, Твою погибель, смерть детей с жестокой радостью вижу», юный Тютчев в 1820 году отвечает:

*Счастлив, кто гласом твердым, смелым,
Забыв их сан, забыв их трон,
Вещать тиранам закоснелым
Святые истины рожден!
И ты великим сим уделом,
О муз питомец, награжден!
...Но граждан не смущай покою
И блеска не мрачи венца,
Певец! Под царскою парчою
Своей волшебною струною
Смягчай, а не тревожь сердца!*

Так в двадцатые годы раскололась не только русская дворянская интеллигенция, но раскололась и история. Одни пошли на площадь, а потом на каторгу, другие — в библиотеки и архивы. Будущие декабристы почти все военные, любомудры младше их и преимущественно граж-

данские. Из первых выйдут бунтовщики, из вторых — дипломаты и ученые.

Тютчев — с последними. Они считают, что есть философия Вольтера и Гельвеция (исключительно позитивистская или материалистическая) и есть «философия небесная», смысл которой нет нужды объяснять...

Но — прервем плавный ход времени. Заглянем вперед и окажемся среди народа, обступившего 14 декабря 1825 года Сенатскую площадь в

Ф.И. Тютчев. 1820-е гг.

Петербурге. За несколько дней до свершившегося здесь события газета «Санкт-Петербургские ведомости» в № 8 от 18 декабря сообщала: «приехали в столичный город Санкт-Петербург с 2 по 6 декабря 1825: ...из Москвы камер-юнкер Тютчев». В день восстания он — в Петербурге. Может, среди толпы, стоявшей у Исаакиевского собора, может, в другом месте. Видел ли он то, что происходило у подножия памятника Петру, или не видел, но *он был* здесь.

Здесь, на Сенатской площади, Петр Каховский, однокашник Тютчева по Московскому университету, убьет графа А.М. Милорадовича, генерал-губернатора Петербурга и героя Отечественной войны 12-го года. Тютчев ужасается и сострадает. И через полгода после вынесения декабристам приговора пишет стихотворение «14-ое декабря 1825 года»:

*О жертвы мысли безрассудной.
Вы упали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить!*

«Народ, чуждаясь вероломства, — добавит Тютчев, — поносит ваши имена». Иван Аксаков писал: «Ни Пушкин, никто в то время, из страха прослыть нелиберальным, не решился бы высказать такое самостоятельное мнение — и совершенно искреннее, чуждое всяких расчетов, потому что <...> в течение почти 50 лет оно никому не сообщалось».

«14-ое декабря 1825 года», написанное двадцатидвухлетним Тютчевым, было опубликовано в 1881 году, когда его уже не было в живых. Но

мысли, высказанные здесь, были продиктованы не минутным чувством, а ясным сознанием того, что история делается *не так*. В 1844 году Тютчев публикует статью «Россия и Германия», где, подтверждая это свое убеждение, как провидец заглядывает в XX век:

«Давно уже в Европе существуют только две действительные силы — революция и Россия <...> Между ними никакие переговоры, никакие трактаты невозможны; существование одной из их равносильно смерти другой! От исхода борьбы, возникшей между ними, величайшей борьбы, какой когда-либо мир был свидетелем, зависит *на многие века* <...> вся политическая и религиозная будущность человечества».

Еще не написаны антинигилистические романы Лескова и Достоевского, еще Достоевский, увлеченный социалистическими идеями, не пошел в каторгу, а вещие слова о беспощадном поединке России и революции уже сказаны. И их сказал тот, кого из всех русских считали самым европейским человеком и чуть ли ни немцем, на которого Европа или, во всяком случае, Германия возлагала надежды как на «своего человека» в России. Прожив 22 года на Западе, Тютчев стал более русским, чем был им, покидая Россию. Запад открыл ему глаза на «страшную будущность человечества». И в 1844 году он без сожаления покинул его. Он ехал морем, и первая русская гавань, которая встретила его, был Кронштадт.

«Жизни блаженство в одной лишь любви»

О, как убийственно мы любим!
Ф. Тютчев

А началось все, как в романтических поэмах Шиллера и романах Гете.

Едва появившись в Мюнхене, наш дипломат, не имевший ничего, кроме родительского вспомоществования (он шесть лет служил вне штата и не получал жалованья), страстно влюбляется в четырнадцатилетнюю красавицу Амалию Лерхенфельд. Согласно легенде, юный Тютчев сватался к юной Амалии и получил отказ. Родители ее не увидели в нем блестящего, обещающего преуспеяние жениха. Амалия скоро сделалась

Амалией Крюденер, баронессой, женой коллеги Тютчева, стоящего выше его на иерархической лестнице. Но этой женщине суждено было, как доброму гению, оказываться возле своего первого возлюбленного в самые непростые для него минуты жизни.

Первая любовь не забывается, и во всех остальных увлечениях Тютчева властвует одна сила — красота. Как поэт он не может пройти мимо красоты, не очароваться ею, не сделаться ее подданным.

И лишь одно в Амалии Крюденер было далеко от ее романических двойников — *не близкий русскому сердцу расчет*. Для Тютчева если любить, то до конца, если отдаваться любви, то очертя голову. Этот «блестящий говорун», как назвала его Дарья Фикельмон, человек изысканного воспитания, предполагающего сдержанность и скрытность, завсегда светских раутов, отдавался чувству как стихии, и не будь так, не было бы, может быть, в русской лирике столь катастрофического певца любви.

Кажется, сам Шеллинг, приступивший в ноябре 1827 года к чтению лекций в мюнхенском университете

(на первой лекции присутствовал Тютчев), подержал его. «Философия, — сказал он на этой лекции, — о чем свидетельствует само ее наименование, *есть свободная любовь и без нее она мертва*».

Как известно, Германия — страна философов. Тютчев же природный поэт-философ, стремящийся не только обнять событие или чувство со всех сторон, но и постичь его скрытые пружины.

*О, вещая душа моя,
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия.*

Эту двойственность всего живого Тютчев ощущал, как можно ощутить плеск воды в озере или дуновение ветра возле нашего уха. Тайна есть в человеке, есть и в природе. Природа, по выражению Тютчева, «сфинкс», «и, может статься, никакой от века загадки нет и не было у ней». У нее есть душа, есть язык, но часто человек и природа не только не понимают друг дру-

Амалия Крюденер

га, но и отдалены той безжалостностью, с какой последняя, не задумываясь, стирает нас с лица земли. Мы случайны в этом мире, и мы — жертвы чьего-то умысла, недолговечная «греза» природы.

В марте 1826 года он женится на Элеоноре Петерсон, урожденной графине Ботмер, вдове, матери четырех детей. Эта женщина, нежная, покорная, не только любила его, но, как говорят ее письма к брату Тютчева Николаю, понимала малейшие отклонения в его настроении, перепады от поэтического взлета к жестокой меланхолии и непостоянство сердца.

Уже через несколько лет, — а они прожили двенадцать лет и Элеонора родила ему трех дочерей, — Тютчев испытал призыв новой страсти к Эрнестине Дернберг.

«Но есть сильней очарованья, — напишет Тютчев в стихах, обращенных к ней, — глаза, потупленные ниц в минуты страстного лобзания, и сквозь опущенных ресниц угрюмый, тусклый огонь желанья». Тут явно полыхает пожар, и по воле рока именно *пожар* развяжет узел, связывающий его с прежней любовью.

Но до этого Элеонора, пережившая с Тютчевым самые трудные его годы за границей (безденежье, низкая должность, никаких успехов по службе), совершит попытку самоубийства. Зная все о его новом романе, она в апреле 1836 года, отыскав в комодке кинжал к маскарадному костюму, нанесет себе несколько ударов в грудь. Обливаясь кровью, она выбежит из дома и упадет на мостовую. Соседи подберут ее, внесут обратно в дом, и она выживет.

Но — не надолго.

18 мая 1838 года Элеонора, возвращаясь с детьми из поездки в Россию, попадет в пожар на пароходе «Император Николай I». К счастью, пожар начнется, когда пароход уже подойдет к прусскому берегу. Она потеряет все — бумаги, имущество, деньги, но спасет своих девочек. Оправиться от пережитого она уже не сможет. И так слабая, хрупкая, она умрет на руках у Тютчева три месяца спустя. В эту последнюю ее ночь Тютчев делается седым.

В «Современнике» у Пушкина

*Тебя, как первую любовь,
России сердце не забудет.*
Ф. Тютчев

В третьем номере журнала «Современник» за 1836 год появится подборка «Стихов, присланных из Германии». Подпись под ними ничего не скажет ценителям русской поэзии: «Ф.Т. Мюнхен». И не успеют эти ценители перевести дух, как четвертый номер журнала Пушкина откроется новыми стихами неизвестного «Ф.Т.».

Вот ведь как бывает. Человек служит, влюбляется, делается главой семейства, составляет депеши на имя министра иностранных дел (постоянная работа дипломата Тютчева), а где-то в тиши, в уединении мысли, в особой работе сердца слагаются строки, которым суждено стать стихами. 24 стихотворения Тютчева, появившихся (в третьем номере) рядом с «Коляской» Гоголя и (в четвертом) — с «Капитанской дочкой» Пушкина, сразу вознесут его на самую вершину русской литературы. Доставила в Петербург тетрадь с этими стихами Амалия Крюденер. Она передала тетрадь Ивану Гагарину,

а тот — издателю «Современника».

Разве могло сердце Пушкина (и его эстетическое чувство) не откликнуться на этот кристально-ясный ритм, на величие этой простоты? И Пушкин державною рукою подписал их в печать. Свел ли их Рок или Божий промысел?

П. Плетнев, принявший после роковой дуэли 27 января 1837 года «Современник», писал: «Еще живы свидетели того изумления и восторга, с каким Пушкин встретил неожиданное появление этих стихотворений, исполненных глубины мыслей, яркости красок, новости и силы ума». Кажется, две великих тени стоят за этой «новостью»: Державин и Пушкин. С одной стороны, ясность слога (пушкинская), с другой — поэтический зонд Тютчева, преодолевая земное тяготение (Державин), уходит к другим мирам. С одной стороны, пушкинское «Утро в горах», «Весенние воды», «Полдень», с другой — державинский восторг и ужас пред «пылающею бездной» природы.

Элеонора Тютчева

Как сквозь промытое стекло, смотрит Тютчев на *этот* мир и с той же ясностью видит «мир души ночной», «хаос древний». «Мысль изреченная есть ложь» — этот постулат Тютчева можно отнести и к его суду над собственными стихами, не способными выразить всего, чем живы ум и сердце. И тем не менее он был горд. Его стихи в журнале Пушкина! Такое тесное соседство их имен! И такая внутренняя связь!

На смерть Пушкина он откликнется строками, которые войдут во все хрестоматии русской литературы.

Как бы был счастлив Пушкин, если б еще один стих, уже написанный, но не посланный в Петербург, был напечатан в его журнале.

*Тени сизые смесились,
Цвет поблекнул, звук уснул —
Жизнь, движенье разрешились
В сумрак зыбкий, в дальний
гул...*

*Мотылька полет незримый
Слышен в воздухе ночном ...
Час тоски невыразимой!..
Все во мне, и я во всем ...*

«Все во мне, и я во всем», — вот ключ, которым открывается тайна поэзии Тютчева. Всемирность. Зависимость нас от мира и мира — от нас. Лев Толстой плакал над этими стихами. А. Гольденвейзер, слушавший «Тени сизые смесились» в исполнении автора «Войны и мира» (кстати, весьма высоко ценимого Тютчевым), свидетельствовал: «Я умирать буду, не забуду того впечатления, которое произвел на меня в этот раз Лев Николаевич. Он лежал на спине, судорожно сжимая пальцами и тщетно стараясь удержать душившие его слезы. Несколько раз он прерывал и начинал сызнова. Но, наконец, когда он произнес конец первой строфы “все во мне, и я во всем”, голос его оборвался».

Аmater. Дипломат. Поэт

*Он человек необыкновенный, гениальный.
В. Жуковский*

7 июля 1839 года в православной церкви в Берне он венчается с католичкой (так и не поменявшей своего вероисповедания) Эрнестиной Дернберг. Кажется, третья сердечная буря, которая пронеслась над его головой, и благодатный дождь, пришедший с нею (создание новой семьи), должны освежить и напоить его душу.

Но его ожидает новая гроза — на этот раз на дипломатическом поприще.

В августе 1837 года Тютчев получил повышение — стал первым секретарем русской миссии в королевстве Сардинском с центром в Турине. После смерти Элеоноры он покидает город, напоминаящий ему о его горе. С одной стороны, он спешит заключить брак с другой женщиной (и все видят это странное смешение горя и счастья), с другой — манкирует своими обязанностями, за что лишается придворного чина камергера (равного чину штатского генерала) и службы в Министерстве иностранных дел.

Во время его службы в Италии туда прибыл наследник русского престола. Тютчеву поручено сопровождать его в поездке по северу страны. В ноябре 1838 года Тютчев знакомится с будущим императором Александром Вторым. Эта встреча стала, быть может, самым важным событием его жизни. Тютчеву было 36 лет, наследнику 21 год. Он был совсем молод, но чуток и с сочувствием внимал речам своего — тоже еще молодого — дипломата. Их беседы, проходившие в Генуе, Турине и на озере Комо, предопределили будущую внешнюю политику России. России независимой, сильной, которая в ряду других стран Европы займет место не «людоеда», как писали о ней западные газеты, а достойного партнера. Вообще, когда думаешь об этих встречах, почти соглашаешься с тем, что поэт и царь могут найти общий язык. Существует свобода с Христом и существует свобода с дьяволом. В первом случае человек говорит своему произволу «нет», во втором — «да». Вот этого «да» больше всего опасались и царь, и Тютчев.

И оказались правы. В 1866 году студент Каракозов у решетки Летнего сада стрелял в Царя-Освободителя. Для Тютчева это был сигнал о приходе революционной заразы в Россию. Еще через несколько лет боевики партии «Народная расправа» совершили самосуд над студентом Ивановым. Тютчев — как и Достоевский, опивший впоследствии злодеяние нечаевцев в романе «Бесы», — не пропускает ни одного судебного заседания.

*Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, Свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?*

*Блеснет твой луч и оживит
И сон разгонит и туманы...
Но старые, гнилые раны.
Рубцы насилий и обид,*

*Растленье души и пустота,
Что гложет ум и в сердце ноет, —
Кто их излечит, кто прикроет?..
Ты, риза чистая Христа.*

Стихи эти написаны в 1857 году, в преддверии знаменитого манифеста 19 февраля 1861 года о даровании крепостным крестьянам свободы.

И пусть Тютчев вскоре после встреч с наследником в 1838 году отправился в отставку, свидания с ним при воцарении Александра Второго сделаются основанием для триумфального возвращения Тютчева в политику.

А пока в 1843 году он возвращается в Россию, чтоб как-то устроить свою судьбу. И здесь ему — в который раз! — помогает Амалия Крюденер. Живущая в Петербурге и пользующаяся благосклонностью императора и близкого к нему Бенкендорфа, она знакомит Тютчева с всесильным царедворцем. В результате этой встречи рождается «Проект» Тютчева. Дело в том, что в том же 1843 году во Франции выходит книга маркиза де Кюстина «Россия в 1839 году». Она, как удар колокола, возвещает о начале антирусской кампании на Западе. Тютчев предлагает Бенкендорфу проект привлечения видных западных публицистов для печатных выступлений в пользу России. По приглашению графа он вместе с Амалией и ее мужем прибывает в его замок Фалль вблизи Ревеля и гостит там неделю. Бенкендорф знакомит с его проектом императора, тот одобряет инициативу Тютчева. Одновременно Бенкендорф предлагает поэту самому выступить в западноевропейской прессе.

Тютчев возвращается в Германию.

Он пишет статьи «Германия и Россия» и «Россия и революция». Он защищает российскую внешнюю политику, которая в рамках Священного Союза помогла удержать Германию от революционного распада, защищает русский народ, про которого маркиз де Кюстин написал, что тот весь «от мала до велика опьянен своим рабством до потери сознания». Тютчев думает о своем народе иначе:

*Эти бедные селенья,
Эта скудная природа —*

*Край родной долготерпенья,
Край ты русского народа!*

*Не поймет и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В нагоде твоей смиренной.*

А дочери, учившейся за границей, напишет: «В России ты найдешь любви больше, чем где бы то ни было».

Он винит Германию в неблагодарности по отношению к России, говорит, что не собирается писать апологию России:

«Апология России... Боже мой! Эту задачу принял на себя мастер, который выше нас всех и который, как мне кажется, выполнял ее до сих пор довольно успешно. Истинный защитник России — это история...» Тютчев предвидит, что если Германия пойдет по пути революционной Франции (июльская революция 1830 года), то это взорвет и ее и Европу.

Не успел он обосноваться дома, получив должность старшего цензора при МИДе, как разразились европейские революции 1848 — 1849 гг. Тютчев подает записку царю, озаглавленную «Россия и революция». Трудно подобрать аналог этому пророческому документу. Его положения:

Россия прежде всего христианская страна. «Революция — прежде всего враг христианства. Антихристианское настроение есть душа революции... Тот, кто этого не понимает, не более как слепец...» Революция — это «самовластие человеческого я, возведенное в политическое и общественное право», это «я» заменяет собою Бога и формирует «ополчение безбожия». Революция присвоила себе знамя христианства — братство. Чувство смирения она намерена заменить духом гордости, «высокомерием ума». Революция намерена создавать «братство» на чувстве страха перед нею.

«Русский народ — христианин, — продолжает автор записки. — Он христианин не только в силу православия своих убеждений, но еще благодаря чему-то более задушевному, чем убеждения. Он — христианин в силу той способности к самоотвержению и самопожертвованию, которая составляет как бы основу его нравственной природы».

Эрнестина
Тютчева

Со смертью Николая I (1855) начинается новая эра в истории его отечества. Начало этой эры Тютчев назовет «оттепелью». И ему есть в этой оттепели место. Немца Нессельроде сменяет русский Горчаков, и Тютчев по существу становится его правой рукой. Великий документ — манифест об освобождении крестьян — Тютчев переводит на французский язык. Советы Тютчева идут через Горчакова, и царь их принимает. И сам Тютчев уже не чиновник вне штата, а сначала действительный статский советник (звание, дающееся не за выслугу лет, а императором), затем тайный советник и Председатель цензуры иностранной.

Тютчеву еще пришлось увидеть отмену 14-й статьи Парижского договора, лишавшей Россию права иметь флот на Черном море, и первую книгу своих стихов, изданную в 1854 году (в пятьдесят один год!). И наконец, обрести то, о чем писал Пушкин: «И, может быть, на мой закат печальный блеснет любовь улыбкою прощальной».

Безумное сердце не спит и алчет новой пищи. Любовь для Тютчева — это полнота мгновения. Гаснет вспышка, мгновение делается неполным, и он устремляется к другому, опять захватывающему его без остатка переживанию.

Казалось бы, при сознании катастрофичности бытия, а уж тем более одной человеческой жизни, так сильно выразившейся в поэзии Тютчева 30-х годов, он должен был, учитывая и его возраст, отрешиться от прекрасно-минутного, смертного и взойти на высоту, с которой треволения людей предстают суетой сует.

Но нет, именно страсть, пробужденная в нем Еленой Денисьевой, позволяет ему еще крепче привязать свою поэзию к тому, что смертно и вот-вот исчезнет. Это было «роковое... слиянье и поединок роковой». Слова «рок», «роковой» встречаются почти во всех стихах Тютчева. Как переводятся эти слова? Рок — это и «судьба», это и «речь», то бишь слово, это и «предопределение». Роковой — значит суженый, сужденный, назначенный судьбою. Сын Тютчева и Денисьевой Федор Федорович Тютчев замечательно написал о своем отце: «Как древнегреческий жрец, созидающий храм, населяющий его богами и затем всю жизнь служивший им, их боготворя-

щий, так и Федор Иванович в сердце своем воздвиг великолепный поэтический храм, устроил жертвенник и на нем возжег фимиам своему божеству — женщине».

Впервые любовью Тютчева, такой сильной, страстной и роковой, суженой, становится русская женщина. Если прежде его жены были немки, и все совершалось законно, — Тютчев венчался, и венчался дважды, по католическому обряду и по православному, то здесь — беззаконная любовь. Чисто русская, сумасшедшая, безоглядная. Тютчев, кажется, теряет голову, бросается в омут. Но иначе он жить не может.

А уж тем более не может писать.

И если мы имеем великий взлет его поэзии 50-х — конца 60-х годов, то этим, прежде всего, обязаны Елене Денисьевой, женщине, которая отдала Тютчеву все. Ее отец на выпускном балу смольских институток (роман с Тютчевым начался, когда она была институткой) проклял свою дочь и отказался от нее. От нее отказались во многих домах, где она бывала прежде, она осталась одна наедине со своей любовью. И не предала Тютчева, не отреклась от него. Четырнадцать лет этой счастливой-несчастливой любви продлили жизнь Тютчеву. «Пускай скудеет в жилах кровь, — писал он наперекор судьбе и людям, — Но в сердце не скудеет нежность. О ты, последняя любовь, Ты и блаженство и безнадежность».

Она не добивалась от него ни развода с женой, ни нового брака. Она отдалась своему чувству по-русски *жертвенно* и как бы переселившись душой в душу возлюбленного, восхищенного ее смелостью и тем пониманием — не стихов, а его самого, — какого он не встречал ни в одной из своих прежних избранниц.

Встреча с ней стала окончательно встречей с Россией.

И в минуту горького укора себе, не способному объять это все поднимающее из глубины сердца чувство, Тютчев писал:

*О, как убийственно мы любим!
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей!*

Елена Денисьева

Ф.И. Тютчев. 1840-е гг.

Сравним фотографии Тютчева и Денисьевой: он — облетевшее, с усохшей корой дерево, почти без листьев на ветвях, и рядом — молодое лицо, с ожиданием смотрящее и затягивающее в себя наш взгляд. В глазах — сострадание, жалость и безмерная самоотдача едва распустившейся жизни, предчувствующей свой трагический конец.

Тютчев живет на два дома. Одна — законная жена, другая, не венчанная, — жена перед Богом и такая же, как первая, мать его детей. Но они рождаются без права считаться законными, хотя все они Тютчевы, как и их мать, всегда называвшая себя Тютчевой. Ее дети обречены пребывать в мещанском сословии. Смятение, ужас и невозможность поправить дело — душа Тютчева страдает. Но если Денисьева жертвенно отдается ему, то Тютчев неспособен на ответную жертвенность. Он кается, клянет себя и вместе с тем пишет письма Эрнестине (всего их сохранилось около пятиста). Как это, не разорвав, соединить?

Эрнестина то уезжает с детьми за границу, то возвращается в Россию и прячется в Овстуге — только бы не видеть своего позора. Тютчев идет по обломкам, сам оставляя их за собою, но не в силах ничего изменить.

Затянутый узел развязывает смерть Денисьевой.

Эпилог

*Дни сочтены, утрат не перечесть,
Живая жизнь давно уж позади,
Передового нет, и я, как есть,
На роковой стою очереди.*

Ф. Тютчев

За смертью матери последовала смерть 14-летней дочери Елены, через день после Елены скончался (как и она, от чахотки) годовалый сын Николай. Тютчев не может оставаться там, где его окружают дорогие тени. Он бежит на юг, на теплое побережье Франции. Но и здесь горе прижимает его к земле.

*О, этот юг! О, эта Ницца!
О, как их блеск меня тревожит!
Жизнь, как подстреленная птица
Подняться хочет, но не может.*

Что может стать итогом этой великой муки? Презренье к себе? Презренье к миру? Однажды Тютчев сказал: «Счастлив, кто точку Архимеда сумел найти в себе самом». Он этой точки найти не сумел. Но может ли отчаяние породить великого поэта? Может ли сознание полной пустоты

и бессмысленности человеческой жизни дать поэта такого масштаба, как Тютчев? Он мог бы повторить вслед за Пушкиным: «Напрасно я бегу к сионским высотам, Грех алчный гонится за мною по пятам». После смерти Денисьевой и ее детей умирает сын Тютчева Димитрий, через два года дочь Мария, любимый брат Николай.

Тютчев еще живет, читает газеты, но 4 декабря 1872 года его перестает слушаться рука. 1 января 1873-го следует второй удар. Сам царь (Тютчев вспоминает их теплую встречу в царско-сельском парке) хочет навестить умирающего. У его постели сидит канцлер Российской империи Горчаков. И конечно, у его смертного одра — Амалия. «В ее лице, — говорил Тютчев, — прошлое лучших моих лет явилось дать мне прощальный поцелуй».

В «Стихах, присланных из Германии» есть стихотворение «Фонтан».

*Смотри, как облаком живым
Фонтан сияющий клубится;
Как пламенеет, как дробится
Его на солнце влажный дым.
Лучом поднявшись к небу, он
Коснулся высоты заветной —
И снова пылью огнецветной
Ниспасть на землю осужден.*

*О смертной мысли водомет,
О, водомет неистощимый!
Какой закон непостижимый
Тебя стремится, тебя метет?
Как жадно к небу рвешься ты!..
Но длань незримо-роковая
Твой луч упорный, преломляя,
Свергает в брызгах с высоты.*

Тютчев и был этот сияющий фонтан. Но «длань незримо-роковая» уже простерлась над ним.

15 июля 1873 года его не стало.

Ныне он — вместе с женой Эрнестиной, дочерью Марией и сыном Дмитрием покоится на Новодевичьем кладбище в Петербурге. Над плитой с именем раба Божия Ф.И. Тютчева возвышается большой белый мраморный крест. А вдали от этой могилы на Волковом кладбище под бедным железным крестом покоятся Е.А. Денисьева и ее с Тютчевым дети. Как далеко они лежат друг от друга! И как печальна эта история.

Но как ни печальна она, Толстой прав — «без Тютчева нельзя жить».